

Л. Н. ПУШКАРЕВ

«Восточная» редакция Повести о Еруслане Лазаревиче

Среди более чем полутора десятков списков Повести о Еруслане Лазаревиче есть один, который вот уже более ста лет привлекает к себе пристальное внимание многих исследователей и публикаторов повести. Речь идет о списке из собрания Ундольского № 930 (ГБЛ. Отдел рукописей, ф. 310, № 930), 40-х годов XVII в., писанном скорописью одним почерком на бумаге в четверку (18×13 см), на 52 листах. Переплет — картон, поздний, корешок и углы кожаные.¹

Эта рукопись составляла когда-то часть сборника повестей, расплетенного Ундольским. В сборник входили рукописи №№ 620, 705, 736, 915, 919, 923, 930, 933, 942, 943, 947 его собрания.² Рукопись Ундольского № 676 указана Викторovým ошибочно: ни по формату, ни по времени (конец XVIII в.) она к этому сборнику принадлежать не может. Установить тот порядок, в котором рукописи следовали одна за другой, в настоящее время невозможно, так как старой пагинации страниц не сохранилось. Состав сборника следующий: 1) Послание А. И. Ищеина в Царьград; Послание князя Э. И. Югорского к императору Максимилиану; Лаодикийское послание; Грамматика Иоанна Дамаскина; О двенадцати знаках зодиака; Сказание о сивиллах; Александрия (Унд. 620); 2) Космография (Унд. 705); 3) Троянская история (Унд. 736); 4) Сказание об Акире Премудром (Унд. 915); 5) Сказание о Бове-королевиче (Унд. 919); 6) Слово о купце Димитрии Басарге (Унд. 923); 7) Сказание о Еруслане Лазаревиче (Унд. 930); 8) Слово о животе и смерти (Унд. 933); 9, 10) Слово о благочестивом царе Михаиле (Унд. 942 и 943); 11) Повесть о семи мудрецах (Унд. 947). По характеру почерка, вязи, заглавных букв все эти 11 рукописей схожи между собой. Они имеют также общие водяные знаки, в основном относящиеся к концу 30-х годов XVII в., близкие к №№ 1135, 1136, 1158 (1638 г.) у Тромонина.

¹ Текст повести по этому списку впервые был опубликован Н. С. Тихонравовым в «Летописях русской литературы в древности» (т. II, ч. 2, М., 1859, стр. 100—128). В отрывках этот текст был перепечатан Н. К. Гудзием в «Хрестоматии по древней русской литературе XI—XVII веков» (изд. 3-е, М., 1938, стр. 296—308; см. также следующие издания).

² А. Викторov. Очерк собрания рукописей В. М. Ундольского в полном составе. — В кн.: Славяно-русские рукописи В. М. Ундольского. М., 1870, приложение, стр. 46.

Сборник имел многочисленные записи XVII—XIX вв., что свидетельствует о длительном интересе к нему читателей. В настоящее время записи эти относятся уже к отдельным рукописям. Приведем их.

Унд. 620. Скрепа на лл. 1—6: «Сия книга столника Ивана Никифоровича Кологри[вова]» (оборвано). На задней крышке переплета: «Книга елецкого купца Ивана Васильева сына Расихина. Конец».

Унд. 705. Л. I: «Сия книга столника Ивана Никифоровича Кологривова». Л. I об.: «Великому государю великому государю Петру Алексеевичу вся великия и малыя беды...». Л. II: «да он же, Ивашка, говорит де Алешке: „Кому быть на царстве?“. И молвил...».

Унд. 736. Л. I об.: «Сия книга елецкого купца Ивана Автомонова сына Филатова». Л. II: «Книга сия елецкого купца Никиты Иванова сына Филатова» и «Книга сия елецкого купца Ивана Восилова». Л. III: «Читал и рассмотрел ей непорядки писаны и советовав печеть бросить».

Унд. 919. Скрепа по лл. 1—38: «Ся повесть Розбойного приказу подьячего Ивана Яковлева, писал своею рукою». Л. II: «Ся повесть Розбойного приказу подьячего Ивана Яковлева писал своима рукама. Ся повесть Розбойного приказу подьячего...».

Унд. 923. Скрепа по лл. 1—8: «дьячего Яковлева писал своею рукою».

Унд. 930. Л. 52 об.: «Сия книга глаголемая собрание историй Вознесенского девича монастыря монахини Любви Степановой, которую подарил Чудова монастыря монах из грек Карион Истомина».

Унд. 933. Скрепа по лл. 1—6: «...Ивана Яковлева писал...» (можно думать, что эта скрепа есть продолжение скрепы Унд. 919, см. выше, — Л. II). Л. 4 об.: «Конец и богу слава». Л. 5: «Книга шенкурца Герасима Васильева сына Едемского». Лл. 5—6 об.: «1710 августа в 25 день Муромского...». Л. 6: «Книга глаголемая собрание историй монахини Любве Степановой, которая пострижена в Вознесенском девиче монастыре».

Унд. 942. Л. I: «Книга [шен]курца Герасима Васильева Едемского».

Унд. 947. Л. I: «Книга о семи мудрецах» (почерком XVII в.) и «Государь мой Никита Иванович, желаю вам много лет здравствовать» (карандашом, почерком XIX в.). Л. I об.: «206 году сентября 21 в костромской...». Л. III об.: «Эри прилежно, внимай разумно, пиши неспешно, прочитай неложно».

Судя по вышеприведенным записям, сборник этот последовательно принадлежал подьячему Разбойного приказа Ивану Яковлеву, затем стольнику Ивану Никифорову Кологринову, потом известному русскому общественно-политическому и культурному деятелю, поэту Кариону Истомину, который подарил его монахине Вознесенского девичьего монастыря Любви Степановой. Позднее, в XVIII в., его владельцами были шенкурец Г. В. Едемский и елецкие купцы И. В. Расихин, И. А. и Н. И. Филатовы. По имени К. Истомина этот сборник вошел в научную литературу под названием Истоминского.

Этот один из самых ранних списков Повести о Еруслане Лазаревиче отличается от остальных значительным своеобразием. Только в одном этом списке мы встречаемся с такими, например, мотивами, как разговор братьев-коней под хозяевами-врагами, превращение птицы-хохотуньи в девицу, волшебное перенесение из одного царства в другое и т. д. Всего насчитывается 26 (из 200) таких, только для данного списка характерных мотивов.

Значительное сюжетное своеобразие списка сопровождается такими различными и языковыми особенностями, на которых в основном и базировались все теории о восточном происхождении Повести о Еруслане. Все

эти особенности перечислены акад. А. С. Орловым,³ но им же и многими другими исследователями отмечена, с одной стороны, близость повести к русскому сказочному фольклору, а с другой — своеобразный «рыцарский» характер рассказа. Нельзя ли попытаться как-то объяснить такой сложный и порою взаимоисключающий характер этого списка?

При решении этого вопроса надо исходить из того, что подьячий Иван Яковлев был не только владельцем, но и составителем данного сборника. Это он «своима руками» переписал в сборник повести о Бове, Еруслане, Басарге, Акире Премудром и другие занимательные повести, подтвердив тем самым еще раз тяготение демократических приказных слоев к развлекательному чтению. Поэтому правильнее было бы называть этот сборник не Истоминским, не по имени его более позднего владельца, а Яковлевским — по имени его составителя. Видимо, по роду своей службы (Разбойный приказ ведал уголовным судопроизводством — убийствами, разбоями, кражами — на всей территории Русского государства, кроме столицы — Москвы) И. Яковлев мог быть связан и с определенными кругами, близкими к восточным делам, знал специфическую восточную терминологию; отсюда в этом списке «кутас», «саадак», «тегилай», «тебеньки», — термины, известные русскому языку, но в других списках Повести о Еруслане не встречающиеся.

И фольклорные русские элементы, и мотивы рыцарства в этом списке также могут быть объяснены личностью составителя сборника. Известно, как много образованных и даровитых людей выдвинула в XVII в. приказная среда. Подьячие были авторами исторических и публицистических трудов, нередко обладали литературным талантом.⁴ И. Яковлев был, конечно, знаком с устным народным творчеством — недаром в его сборнике так много повестей, основанных на устной сказке и легенде; характерны для этого сборника и повести рыцарского характера. Видимо, подобное несколько механическое соединение в одном списке таких разнородных компонентов, как восточные мотивы, рыцарские элементы и элементы русского сказочного эпоса, является индивидуальной особенностью вкуса составителя сборника.

Список Унд. 930 представляет собой литературную обработку (или копию с нее) такого устного сказания, в котором отдельные его элементы не слились еще в единое целое. Доказательством этому, помимо механического соединения различных лексических особенностей, служит и композиция повести. Например, Еруслан освобождает город от осады еще до того, как он совершил свой первый подвиг (бой с князем Иваном); образ Индийского царя, у которого был могучий сторож Ивашка Белая епанча, в данном списке объединен с образом царя Вахрамея; отсюда явная нелогичность: у царя есть такой богатырь, что «кто его увидит, тот не может жив быть», а царь страдает от притеснения чудовища о трех главах и даже собирается отдать ему свою единственную дочь; девиц в шатре Еруслан встречает только двух, а не трех, как в других списках; побитых ратей он встречает две, а не три, и т. д. Список этот далеко уже ушел от простой народной сказки: это — сложное литературное произведение с самостоятельной идейной оценкой образов, сложной фабулой, стремлением к психологической мотивировке событий. Этот список стоит особняком среди всех других рукописных вариантов повести; он не имеет продолжения в рукописной, лубочной и устной традиции; такое своеобразие

³ А. С. Орлов. Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII—XVII веков. М., 1934, стр. 78—79.

⁴ Н. В. Устюгов. Центральное управление. Приказы. — В кн.: Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955, стр. 381.

дает право на выделение его в самостоятельную «восточную» редакцию рукописной повести, характерную наличием восточных мотивов в сюжете и языке, не распространяющихся, однако, на идейную оценку образов.

В чем причины непопулярности этой редакции? Их несколько. Восточные (пусть даже и фольклорные!) мотивы были чужды русской как фольклорной, так и литературной традиции. Восточные пышные образы (ср., например, прозвище конюха: «старой конюх, сивой конь, алые тебенки, сыдавной саадак, крепкой лук, гораздой стрелец, в полку богатырь») были непонятны читателю; так, словосочетание «алый тегилей» (т. е. кафтан) в более поздних списках превратился в собственное имя Алокти-Гирей. Механичность объединения в одном списке восточных мотивов с рыцарскими, сочетание усиленной христианизации языка и речи персонажей (характерной, надо сказать, для всех повестей Яковлевского сборника!) с русскими фольклорными элементами — все это было свидетельством того, что устная сказка о Еруслане подвергалась в XVII в. литературной обработке и становилась типичной сказочной рукописной повестью. Список Унд. 930 и запечатлел начальный этап сложной литературной эволюции повести на пути превращения устной (а затем рукописной) сказки в волшебно-рыцарский роман.
